

ДИНАМИКА ЮЖНОРУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ СИСТЕМЫ НА ТЕРРИТОРИИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье исследуется современное состояние южнорусского говора Саратовской области, рассматриваются его фонетические и грамматические диалектные особенности. Сопоставляются записи диалектной речи, сделанные в 2015 году и в 1990 году в одном из сел Саратовской области, а также данные «Атласа русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья» Л.И. Баранниковой. Сравнение материалов, полученных в разное время от информантов различного возраста и уровня образования, дает возможность обнаружить в развитии рассматриваемого говора действие нескольких тенденций, общих для современных диалектов. Среди них упрощение системы предупредного вокализма, вариантность морфологических форм, устойчивость грамматических особенностей широкого распространения, постепенная утрата диалектной лексики.

Ключевые слова: южнорусский говор, диалектные особенности, современные диалекты, тенденции, устойчивость, утрата.

Изучение современного состояния говоров Саратовской области позволяет представить их динамику, так как результаты нового обследования можно сопоставить с данными «Атласа русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья» Л.И. Баранниковой (далее – «Атлас»), составленного по материалам, собранным главным образом в 40-е – 60-е годы прошлого века [1].

В 2015 г. экспедицией Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского обследована речь жителей села Митрофановка Федоровского района (№ 485 по «Атласу»). В диалектологической фонотеке Саратовского государственного университета «Культура и речь Саратовского края» есть запись речи жителей этого села, сделанная в 1990 г. студенткой заочного отделения филфака Саратовского педагогического института О.И. Жадан. Эти материалы в совокупности дают возможность представить динамику говора в течение последних пяти десятилетий.

Говоры южнорусского типа в Саратовской области компактно расположены в ее южной части (Федоровский, Питерский, Новоузенский, Александрово-Гайский районы), на остальной территории встречаются лишь их островки [2, с. 183]. Для Федоровского района характерна диалектная однородность: во всех 6 населенных пунктах, включенных в «Атлас», отмечены южнорусские говоры. Для исследования динамики системы южнорусского говора использовались материалы, записанные от уроженцев с. Митрофановка. При подборе информантов учитывались социально значимые факторы, определяющие соотношение в речи сельских жителей диалектных и литературных элементов: образование, род деятельности, степень трудовой и общественной активности, влияние среды, возраст и иногда пол [3, с. 6; 4, с. 119–120].

* © Мурзаева Т.И., 2016

Мурзаева Тамара Ивановна (palma5109@yandex.ru), кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский университет, 410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.

Запись 1990 г. Информант 1908 – женщина, образование 4 класса, профессиональная деятельность до пенсии – сельскохозяйственные работы (здесь и далее номер информанта соответствует году рождения).

Записи 2015 г. Информант 1927 – женщина, образование 5 классов, работала трактористом, позже дояркой. Информант 1937м – мужчина, образование 7 классов, работал пастухом, в армии не служил. Информант 1937ж – женщина, образование 8 классов, окончила профтехучилище по специальности «Плетение из прутьев» (г. Маркс), проработала 1,5 года в Красноармейском районе, 2 года на спиртзаводе в Таджикистане, затем вернулась в Митрофановку, где 38 лет была дояркой; по туристической комсомольской путевке ездила в Венгрию и Румынию. Информант 1938 – женщина, заочно окончила пединститут и до пенсии работала учителем начальных классов в школе с. Митрофановка.

Запись 1990 г. обнаруживает наличие в говоре диссимильативного аканья жиздринского подтипа, при котором в 1-м предударном слоге после твердых согласных редуцированный [ъ] произносят только перед ударным [а]: *нб́рали, скъ́зала, стъ́ял, пъ́нала, бъя́лися, но дамой, паехать, пъ́карила*. Отмечены признаки разрушения этой системы, частичное распространение произношения [а] на позицию перед ударным [а]: *пашла, нагами, наказывал*. Запись 2015 г. показывает дальнейшее развитие наметившегося ранее изменения. У информантов 1927 и 1937ж соотношение случаев произношения [ъ] и [а] перед ударным [а] примерно одинаково, у информанта 1938 примеры с [ъ] редки. В материалах «Атласа» диссимильация не отмечена.

Особого внимания заслуживает предударный вокализм после мягких согласных. «Атлас» отмечает диссимильативно-умеренное яканье. Запись 1990 г. показывает следующее. Перед ударным гласным нижнего подъема произносят [и]: *систра, зъ́пригали, жъ́рилица, притсидатиль, мъ́тиря* и т. п.; перед гласными верхнего подъема – [а]: *зъ́прягу, яму, зъ́рягли, вяртиць*; перед остальными ударными гласными обычно произносят [и], но есть отдельные случаи с [а]. Очевидна система диссимильативного яканья, но подтип его определить не удастся. Записи 2015 г. свидетельствуют об иканье. Отдельные пережитки яканья сохраняются в речи информанта 1927: *яво, пирнясли, нъ́прядуть*. У информанта 1937м: *нямношкъ*. У информанта 1937ж: *памянули, пъявилсы, маслянистья, лягалися*. Информант 1938 следов яканья не обнаруживает.

Материалы всех трех источников свидетельствуют об устойчивости фрикативной артикуляции согласного [з]. На конце слов звонкий заднеязычный оглушается в [x]: *дених, плух, друк, Алех, снех, вакрух, ни смох, рох*. Смычно-взрывная артикуляция не отмечена, более того, такое произношение местные жители не одобряют. Вот как рассказывает информант 1927 о своем муже: *он пришол с армии / а мы яво как ни любили / он на гэ / разгаваривъл на гэ / вы знайти дифчята я вот гъварю вам / ну мы ж яво знайим андрея этъвъ / мы яво фсе знайим / ой как грахочим / смиемси / мы яво прям на смих пдымали / и я с нем пашла / нинк / ты че с ума сашла / как мы смиемси над нем / на гэ / а ты за ниво че / замуш хочиш выхадить / че я за ниво штоль замуш / я в дириянным дома буду жыть//.*

Информант 1938 сознательно выбирает диалектный вариант звонкой заднеязычной фонемы, несмотря на большой стаж педагогической работы: – А как у вас гэ произносятся? – *гэ вот так гэ / гэ / я все время так гъварю / я / у миня не былъ такъв штоб гэ гъварить / нет / вод дети уже щяс гъваряд гэ / а я нет / а я все время на гэ / у миня прастой / гэ / – А ученики? – и учиники балышынство гъварили / ну эт в горьди вот так вот пръзнасили на / гэ / а у нас нет / у нас фсе пъ прастому была //.*

Во всех анализируемых записях фонема /в/ реализуется в губно-зубном звуке [в] перед гласными. Перед согласными и в конце слов произносят губно-губной [w]: *диwченки, забастовку, быков, класав*. В предлоге наблюдается вокализация в звук [y]: *у школу, у бъяра, у плух, у мишок*. В подобных случаях возможно также произношение [w]. Аналогичная ситуация отмечена в начале слов перед согласными: *устает, усе и wстает, все*. В то же время идет постепенный переход на губно-зубную артикуляцию в слабых пози-

циях. В записи 1990 г. зафиксирована начальная стадия этого процесса. Еще сохраняются следы былого отсутствия в говоре фонемы /ф/: *хрантавикам* «фронтавикам» (но *фирма, каньфетки*). Но уже появляется [в] перед сонорными: *время, внуки* (в то же время *унуки* и *внуки*). Перед глухими согласными и в конце слов в отдельных случаях наблюдается [ф]: *фсе* и *все, сименьфка* и *сименьвка, быкоф* и *быков*. У информанта 1927 примеры типа *фсигда, ф кантори, лафки* более частотны, чем в записи 1990 г., хотя менее частотны, чем случаи сохранения губно-губной артикуляции. В речи информанта 1937ж, наоборот, более частотны примеры с губно-зубной артикуляцией, но сохраняются и губно-губные варианты. Почти такое же состояние этой подсистемы отмечено у информанта 1938, хотя это бывшая учительница. Вероятно, стабильность фрикативной артикуляции звонкой заднеязычной фонемы, а также сохранение губно-губных рефлексов фонемы /в/ поддерживается соседством с украинскими селами Семеновка (Митрофановка входит в Семеновское муниципальное образование) и Ивановка, с жителями которых диалектоносители Митрофановки регулярно общаются.

В речи информанта 1908 сохранялась прогрессивная ассимиляция заднеязычных после парных мягких согласных: *тольки, стольки, нескэлька, пэтихонькю*. В записях 2015 г. не встретилось ни одного подобного случая.

К наиболее существенным морфологическим диалектным различиям относится переход некоторых имен существительных среднего рода в женский. Информант 1927: *мыла какая-ть черная разливная, в эту акошычку, проса пракаятая я ие и щяс нинавижу*. Информант 1937ж: *фся сельская насилениа, этъ кладбища ни знаю с какомвэ ана время*. У информанта 1938 употребление подобных существительных соответствует литературной норме. Другая важная особенность имен существительных — сближение 3 склонения с 1-м — отмечена у всех информантов, кроме 1938: *жызня, фсю жызню, церква, две церкви, з гармоний, адну дочирю, в стипе, съ свиковыйий, у свиковыйи* (см. также [6, с. 214–215]).

У существительных 1 склонения в родительном падеже «Атлас» показывает исключительное распространение южнорусского окончания: *у сестрем*. В записи 1990 г. отмечено: *с работи, у мами, ат кураферми*. В 2015 г. обнаружено: *у мамы, у папы, у татьяны, с работы, с вайны*. И только в одном случае южнорусское окончание встретилось в речи информанта 1938: *у ольги иванавни*.

Еще более показательна динамика форм личных местоимений в родительном и винительном падежах. В речи информанта 1908: *у мене, у тебе*; у информанта 1927: *у мене галош парвалси, атец зь мене, он тебе абманит, ходь бы мене мама спрасила, тебе у плух заваляйит, мене мама пальцьм ни трогэла*; гораздо реже: *она у миня прицепицицьй, он фсю времю миня брал*; у 1937ж формы типа *у тибя* и *у тебе* употребляются параллельно; у 1938 преобладают литературные формы при малочастотных южнорусских.

Подобную динамику обнаруживают и формы глаголов 3 лица. В «Атласе» отмечается исключительное распространение в митрофановском говоре окончания с мягкой конечной фонемой /m'/. У информанта 1937м это окончание заметно преобладает над общеупотребительным. В речи информанта 1927 формы с твердой или с мягкой фонемами на конце отмечены одинаково часто: *бьеть, гарить, гьварать, пайдуть, вазьмуть*, а также *идет, играет, глядят, запрыгнут, атарвут*. Для информанта 1937ж обычные формы с твердым окончанием, в то время как формы на /m'/ единичны (см. также [5, с. 50]). Информант 1938 на вопрос о формах с /m'/ ответила, что никогда их не употребляет (действительно, в имеющихся записях они не встретились). Она даже считает, что таких форм не было в речи ее матери и бабушки.

Глаголы с безударными личными окончаниями свидетельствуют о наличии в говоре общего спряжения [7, с. 17], поэтому в 3 лице множественного числа наблюдаются формы типа *возють, сыпють, косяють, закрутють, малотють*. Таких форм не встретилось лишь у информанта 1938.

Возвратные формы глаголов прошедшего времени мужского рода у всех информантов имеют постфикс *–си*: *първалси, астънавилси, събиреси, събираимси*. Исключение составляет бывшая учительница начальных классов, которая профессионально четко произносит постфикс *–ся*. В положении после гласных обнаруживается тенденция к стандартизации постфикса *–ся*: *висилилися, кланилися, лягалися, събралася*, хотя возможны более редкие формы типа *събираюсь, баялись*. В речи информанта 1938 встретила лишь одна диалектная возвратная форма: *ругалися*.

Не обнаруживает динамики широко распространенная в говорах Саратовской области синтаксическая особенность – употребление полной формы причастий и прилагательных в соответствии с литературной краткой в именном составном сказуемом: *адна падруга мья ф Саратовѣи жывая; у мене галош был първатый: я жы вить винаватая; w каровники ани привязныйи*. Это явление устойчиво сохраняется даже в речи учительницы: *а тут уже стали гатовыйи, шторьчки были шшытыйи, вы адетыйи абутыйи, где пахарониныйи* (см. также [8, с. 150]). Не изменяется ситуация с употреблением предлога *с* в соответствии с *из*, характерным для всех поколений жителей с. Митрофановка: *пришол с армии, с Никалайшкы, с Сименъкы, с калитки выходши*.

«Устойчивость современных диалектов в их фонетике и морфологии представляется как бесспорный факт при изучении речевого поведения сельского населения» [9, с.121]. Сравнение материалов, записанных в разное время от информантов различного возраста и уровня образования, дает возможность обнаружить в развитии рассматриваемого говора действие нескольких тенденций, общих для современных диалектов [10]. Среди них – упрощение системы предударного вокализма, вариантность морфологических форм, наличие грамматических особенностей широкого распространения, постепенная утрата диалектной лексики.

Библиографический список

1. Баранникова Л.И. Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 104 с.
2. Мурзаева Т.И. Из истории классификации говоров Саратовской области // Русская устная речь: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «II-е Баранниковские чтения». Вып. 2. Саратов: Амирит, 2016. С. 180–186.
3. Орлов Л.М., Кудряшова Р.И. Русская диалектология: современные процессы в говорах. Волгоград: Перемена, 1998. 144 с.
4. Хохлова Н.В. К проблеме изучения динамики диалектов // Русская диалектология: традиционные подходы и инновационные технологии. Волгоград: Перемена, 2012. С. 116–122.
5. Мурзаева Т.И. Преобразования в южнорусских говорах на территории Саратовской области // Предложение и слово. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2013. С. 48–54.
6. Свешникова Н.В. Грамматические особенности существительных в среднерусском говоре (на материале Саратовского диалектного корпуса) // Русская устная речь. Саратов: Издательский центр «Наука», 2011. С. 214–217.
7. Баженова Т.Е. Современное состояние южнорусского говора на территории Оренбургской области // Самарский научный вестник. Вып. 3 (4). 2013. С. 16–19.
8. Мурзаева Т.И. Судьба говоров курско-орловского типа на территории позднего заселения // Актуальные проблемы русской диалектологии. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2015. С. 148–150.
9. Калнынь Л.Э. Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // Вопросы языкознания. 1997. № 3. С. 115–124.
10. Мурзаева Т.И. Современные процессы в говорах Саратовской области // Язык в пространстве речевых культур. М.; Саратов: Амирит, 2015. С. 72–78.

References

1. Barannikova L.I. *Atlas russkikh govorov Srednego i Nizhnego Povolzh'ia* [Atlas of Russian dialects of the Middle and Lower Volga Region]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2000, 104 p. [in Russian].
2. Murzaeva T.I. *Iz istorii klassifikatsii govorov Saratovskoi oblasti* [From the history of classification of the dialects of the Saratov Region]. *Russkaia ustnaia rech': Materialy Vserossiiskoi*

nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «II-e Barannikovskie chteniia. Vyp. 2 [Russian spoken language: Materials of all-Russian scientific conference with international participation “II Barannikov readings. Issue 2]. Saratov: Amirit, 2016, pp. 180–186 [in Russian].

3. Orlov L.M., Kudrjashova R.I. *Russkaia dialektologiya: sovremennye protsessy v govorakh* [Russian dialectology: modern processes in the dialects]. Volgograd: Peremena, 1998, 144 p. [in Russian].

4. Khokhlova N.V. *K probleme izucheniia dinamiki dialektov* [On the problem of studying the dynamics of dialects] in *Russkaia dialektologiya: traditsionnye podkhody i innovatsionnye tekhnologii* [Russian dialectology: traditional approaches and innovative technologies]. Volgograd: Peremena, 2012, pp. 116–122 [in Russian].

5. Murzaeva T.I. *Preobrazovaniia v iuzhnorusskikh govorakh na territorii Saratovskoi oblasti* [Changes in the southern Russian dialects on the territory of the Saratov Region] in *Predlozhenie i slovo* [Sentence and word]. Saratov: Izd-vo «Nauchnaia kniga», 2013, pp. 48–54 [in Russian].

6. Sveshnikova N.V. *Grammaticheskie osobennosti sushchestvitel'nykh v srednerusskom govore (na materiale Saratovskogo dialektного korpusa)* [Grammatical features of nouns in the Russian dialect (based on the Saratov dialect corpus)] in *Russkaia ustnaia rech'* [Russian spoken language]. Saratov: Izdatel'skii tsentr «Nauka», 2011, pp. 214–217 [in Russian].

7. Bazhenova T.E. *Sovremennoe sostoianie iuzhnorusskogo govora na territorii Orenburgskoi oblasti* [Current state of the South Russian dialect on the territory of the Orenburg Region]. *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara Journal of Science], 2013, Issue 3(4), pp. 16–19 [in Russian].

8. Murzaeva T.I. *Sud'ba govorov kursko-orlovskogo tipa na territorii pozdnego zaseleniia* [The fate of the dialects of the Kursk-Orel on the territory of late colonization] in *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii* [Topical issues of Russian dialectology]. M.: Institut russkogo iazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 2015, pp. 148–150 [in Russian].

9. Kalnyn' L.E. *Russkie dialekty v sovremennoi iazykovoii situatsii i ikh dinamika* [Russian dialects in the modern language situation and its dynamics]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Issues of linguistics], 1997, no. 3, pp. 115–124 [in Russian].

10. Murzaeva T.I. *Sovremennye protsessy v govorakh Saratovskoi oblasti* [Modern processes in the dialects of the Saratov Region] in *Iazyk v prostranstve rechevykh kul'tur* [Language in space of speech cultures]. Moscow; Saratov: Amirit, 2015, pp. 72–78 [in Russian].

*T.I. Murzaeva**

DYNAMICS OF THE SOUTHERN RUSSIAN DIALECT SYSTEM IN THE TERRITORY OF THE SARATOV REGION

The article examines the current state of South-Russian dialect of the Saratov Region, analyses its phonetic and grammatical dialectal peculiarities. Recordings of dialectal speech made in 2015 and in 1990 in one of the villages of the Saratov Region, as well as data of the “Atlas of the Russian dialects of the Middle and Lower Volga Region” by L.I. Barannikova are compared. Comparison of the materials obtained at different times from informants of different age and level of education, gives the opportunity to detect in the development of the dialect under consideration the action of several trends common to modern dialects. Among them, the simplification of the system of pretonic vocalism, variation of morphological forms, the sustainability of grammatical peculiarities of wide distribution, gradual loss of dialect vocabulary.

Key words: South-Russian dialect, dialectal peculiarities, modern dialects, trends, sustainability, loss.

Статья поступила в редакцию 14/VII/2016.
The article received 14/VII/2016.

* *Murzaeva Tamara Ivanovna* (palma5109@yandex.ru), Department of Theory and History of Language and Applied Linguistics, National Research Saratov State University, 83, Astrakhanskaya street, Saratov, 410012, Russian Federation.